

Народные мемуары

Анна ГАЛАНЖИНА

ЧУЖОЙ ПРИЧАЛ

Чемодан — вокзал — Курск

— Вот и все! Неужели это произошло со мной, со всеми нами? Даже не верится!

Конец июня 1993 года. Сажу в купейном вагоне поезда Рига — Воронеж. Напротив меня устроилась десятилетняя дочь Яна с кошкой Василисой. Домашнее животное помещено в плетенный из лозы абажур, который я в целях безопасности дополнительно обвязала сеткой-авоськой. Василиса испуганно таращит глаза и тыкается носом в ячейки сетки, пытаясь просунуть мордочку.

— Васька, ты что? — Я дотронулась пальцем до ее носа. — Это твоё первое путешествие. Скоро ты будешь не рижанка, а курянка. Точнее, рылянка, потому что едем мы в город Рыльск Курской области. Терпи, милая.

Кошка гортанно мяукнула и заметалась по круглому дну абажура.

— Мам, давай ее выпустим. Пусть побегает, а то с ума сойдет от страха.

— Нет, Яна, немножко погодим. Вот поезд тронется и, если не появятся попутчиков, выпустим.

— А может, она пить или писать хочет? — не сдавалась дочь.

— Ян, кошки в чужом месте кушать и писать не станут, пока не освоятся. К тому же они умеют терпеть очень долго. Погладь, поговори с ней, она и успокоится.

Я отвернулась к окну. По перрону сновали пассажиры с огромными баулами. Истошно орал какой-то малыш. Он пытался усесться на асфальт. Обвешанная свертками растрепанная мамаша не могла освободить руки и растерянно озиралась по сторонам. Наконец она с облегчением сунула свертки подбежавшему к ней мужчине. Подхватила ребенка на руки и устремилась к поезду.

На другой стороне перрона молодцеватый морской офицер нетерпеливо поглядывал на висящие у перехода вокзальные часы, сжимая в одной руке букет бордовых роз. Другой он поминутно прикладывал ко лбу носовой платок, то сдвигая фуражку на затылок, то водворяя обратно. Волнуется, сердешный!

Наконец по вагонам прошел легкий треск. Как будто они прилипли друг к другу и теперь отлипают. Поезд пошел, вернее, покатился совсем тихо. Запоздалый голос из репродуктора сообщил, что пассажирский поезд Рига — Воронеж отправляется с первой платформы второго пути.

— Мам, мы поехали?

— Да, милая, поехали.

— А папа нас догонит?

— Ян, ты уже большая, а задаешь глупые вопросы.

Я раздражалась, разговаривать не хотелось. Дочь, почувствовав мое настроение, стала молча доставать из своей сумочки альбом и фломастеры. Василиса тоже утомилась, смирившись со своим пленом. Я вдруг почувствовала острое чувство вины перед ними. Горло сдавил спазм, а к глазам подступили слезы. «Этого не хватало, — испугалась я, пытаюсь наладить дыхание. — Не раскисай, а то завоюешь и перепугаешь дочь с кошкой. Ты ни в чем не виновата. Так сложились обстоятельства».

Стук в дверь купе вернул меня в действительность. Дверь открылась, вошла проводница, взяла билеты и, оставив постельное белье, вышла.

«Ну вот, теперь есть занятие. Все лучше, чем ничего. Постелимся, умоемся, попьем чай, а там и спать пора. Хотя какое “спать”, солнце еще и не думает садиться, июнь на дворе. В Латвии сейчас белые ночи. Лишь когда повернем в сторону Смоленска, станет темнее. Это было бы интересно, если бы не одно но — мы навсегда покидаем эту красивую негостеприимную страну или республику, не знаю, как ее теперь называть».

— Мам, можно я буду спать на верхней полке? — вывел меня из задумчивости голос дочери. Она с аппетитом допивала чай с купленными на вокзале булочками.

— А не шлепнешься? — задала я риторический вопрос, зная наперед, что соглашусь. — Ладно, забирайся, но сначала в туалет.

— А Ваську выпустишь?

— Выпущу, как только уляжемся и закроем дверь.

Наконец пришло долгожданное спокойствие. По вагонам перестали бродить пассажиры. Я развязала сетку на временном Василисином домике, но она даже не шелохнулась. Обиделась... Мне стало жаль себя, я поняла, что буду сегодня реветь долго и горько. Чтобы хоть оттянуть этот момент, решила выйти в коридор. Там точно плакать будет неудобно.

У окна вагона стоял мужчина, глядявываясь в проплывающий мимо пейзаж с мелкими болотцами в окружении почти черных елей, верхушки которых освещало предзакатное солнце. Аккуратные поля, ухоженные лужайки перед одинокими хуторами, где обязательно рос дуб и красовались уложенные в

Портрет дочери.
Рис. автора

поленницы ровными рядами дрова. Дороги к добротнo срубленным, дубовым подворьям, песчаные и теплые, навевали щемящую грусть. От них веяло хозяйственностью, самоуверенностью и еще чем-то недоступным моему пониманию.

«Это не твой дом, ты здесь чужая, — стучало в голове. — Ты инородное тело, тебя вытолкнули. Уезжай на свою историческую родину». На глаза вновь навернулись слезы. Почувствовав, что продрогла, вернулась в купе. Дочь и кошка мирно спали.

Предыстория — сон

Не скажу, что я полюбила Латвию. Прожив в ней девять лет, с ноября 1984 года по июнь 1993 года, я стала привыкать к ней, к ее ритму, стилю жизни. Однако ощущение своей инородности так и не покинуло меня. Возможно, потому, что нас здесь не жаловали, а может, оттого, что так до конца не поверила, что мне, провинциалке, выпадет шанс жить не где-нибудь, а в самой Риге.

Мне нравился этот маленький, по российским меркам, столичный город. Его самодовольный вид и гордая неспешность, его чувство собственного достоинства. Несмотря на то, что в Латвии нас называли оккупантами, именно здесь обрела я уверенность в себе, освободилась от страха быть не такой, как все, и обрела чувство собственного достоинства.

В середине 1980-х грянула перестройка, безжалостно перекроившая множество судеб. Пока большие начальники нарезали себе максимальные «лоскуты власти», что было кроить нам, Иванам, не помнящим родства? Квадратные метры служебного жилья? Мизерную зарплату? Жилье у нас радостно отобрали латыши. Представляю, какое удовольствие получали они, раскулачивая «оккупантов»! В этой стране я не претендовала ни на что, кроме как на присутствие в ней. Его тоже отобрали. Теперь возвращаюсь туда, где у меня нет ничего и меня не ждет никто.

Впихнув в последний разбитый контейнер наши скудные пожитки, в душе не надеясь, что они вообще дойдут, муж — мичман ВМФ СССР с сослуживцами остался дожидаться решения своей дальнейшей судьбы. А мы отправились на родину в Рыльск к его родителям. Девять лет он прослужил в Риге на подводной лодке. Теперь кто-то решил, что такие, как он, освободившейся от ига СССР прибалтийской стране не нужны. Подлодка, его второй, нет, даже первый дом, пойдет на металлолом... Что будет делать военный моряк, привыкший жить по уставу, не умеющий ничего, кроме как служить? Жаль морских офицеров и мичманов, обманутых и выброшенных на берег.

Очнулась внезапно. Оказалось, я так углубилась в воспоминания, что не заметила, как уснула. Поезд стоял. Хлопали двери купе, шуршали сумки. Стало прохладно. У головы дочери на подушке примостилась Василиса. Пока я спала, она огляделась и решила, что у Яны ей будет безопаснее, заодно погрееет маленькую хозяйку.

Надо ж так не вовремя проснуться. Теперь заснуть будет проблематично. Покрутившись с полчаса на жестком ложе, я убедилась, что заснуть в эту

ночь вряд ли удастся. Притулила чахлую подушку к перегородке купе и вернулась к воспоминаниям.

Эта свадьба пела и...

Шел 1980 год. «Горько, горько», — кричали подвыпившие гости. «Раз, два, три...» — размахивали они наполненными самогоном рюмками. Их глаза возбужденно блестели. Прически, с таким трудом построенные в местной парикмахерской, потеряли форму. Но это не мешало им выглядеть счастливее меня. «Зачем мне это? — гадала виновница торжества. — Мало того, что я почти все подготовила к свадьбе сама. Так еще придется делать вид, что я довольна. Господи, поскорее бы они разошлись по домам!»

Меня тошнило, хотелось выбраться на свежий воздух. Запах винегрета, теплых котлет и самогона вызывал отвращение. Я пребывала на третьем месяце беременности. Свадьба мне была не нужна. Все равно с моей стороны, кроме двух подруг да двоюродного брата, никого не было. На массовом мероприятии настояли родители благоверного. После долгого возмущения моей безнравственностью, упреков в том, что я окрутила их чистого, доверчивого мальчика, они успокоились и решили, что свадьба все же нужна. Им, видите ли, перед соседями неудобно. А так как я по профессии повар, мне и карты (точнее, ножи и ложки) в руки. Блат у меня в общепите есть, готовить я умею. Что еще надо?! Выгодно и удобно.

В магазинах было реально шаром покати: ливерная колбаса за 1 руб. 20 коп., «синяя птица», то бишь курица, похожая на выкидыш, маргарин да консервы. По талону из загса с большим трудом «достали» свадебные кольца. Моему избраннику Павлику досталось кольцо 585-й пробы, а мне — 375-й. Я впервые в жизни встретила такую пробу, но потом решила, что большего я, вероятно, недостойна. Нищая детдомовская девчонка, охмурившая красивого парня. Слишком много счастья быть не должно. Но это мое женское, наболевшее...

Следующим этапом было «доставание» или «добыча» продуктов, иначе не скажешь. У меня была знакомая на продовольственной базе. Мы работали на одном предприятии — в горторге. Поэтому иногда приезжали на базу, например, помочь перебрать картофель или рассортировать плавленые сырки по сроку годности. Я к ней никогда не обращалась и, кроме «здрасьте», ничего не говорила, она и подавно. Чего со мной разговаривать, у нее такие люди отовариваются... Нрава она была крутого. Я ее жутко боялась, но рискнула обратиться. Не убьет же, в конце концов.

Тамара Марковна приняла меня на удивление благодушно, видимо, настроение в тот день располагало. Глаза торговой богини подозрительно блестели. При более тесном контакте стало ясно, что дама подшофе. Ну что ж, не мне судить! Если ей хорошо, то мне — тем более. Окинув меня с ног до головы долгим взглядом, она коротко, с презрительной усмешкой, процедила:

— Пошли, невеста...

Я смолчала. Мне было не до обид и политесов. В конце концов, она права — какая я, к черту, невеста, так, запутавшаяся в любви букашка. Когда она открыла первую холодильную камеру, я остолбенела от удивления. Боже мой! И это в то время, когда в магазинах шаром покати!

— Что стоишь? Выбирай!

Но я словно застыла, сжимая в руке коротенький список продуктов.

Помните юмореску Карцева и Ильченко: «А рыба у вас есть? А какая?.. Мне одну... нет — две, а лучше три». Приблизительно то же происходило со мной...

Однако вернемся к нашей свадьбе.

— Тебе плохо? — Супруг наконец озаботился моим бледным видом.

Я рассеянно взглянула на него. Он взял меня за руку и повлек за собой, лавируя между скамейками. За столом пили и пели весело и со вкусом. Настал момент, когда жених с невестой забыты. Они свое дело сделали, дальше можно и без них. Я, в принципе, не возражала, а как на это смотрел Павлик — не знаю, не спрашивала. Выбравшись на свежий воздух, облегченно вздохнула.

— И откуда народу столько набралось, мы ж столько не приглашали? — бросила я в никуда.

Во дворе гуляла молодежь. На подоконнике веранды стоял проигрыватель, на нем крутились виниловые пластинки. Колонки, казалось, подпрыгивали от мощного звука. Веселье в самом разгаре.

Снова поезд Рига — Воронеж

По вагону разносились крики подвыпившей компании. «Чего они кричат, вот беспокойное хозяйство. Ночь на дворе, а им неймется. Куда проводница смотрит?» С трудом разогнув отекающую ногу, выбралась из-под одеяла. Дочь сопела, приоткрыв рот. Коротко уркнула Василиса, но положения не переменяла.

Милые мои, что с вами дальше станет, из города да в деревню. Ну, положим, Василисе понравится на воле, а вот Яне и мне... Хотя, кто знает, дети быстро привыкают, пока маленькие. За себя я точно знала — это катастрофа. Я испытывала огромное счастье, когда стала жить в городе. Ну урбанистка я, ничего тут не поделаешь, хотя родилась в районном городке. Люблю, грешная, суету, ритм, многообразие. Разве за это можно осуждать? Видимо, мне не дано быть полностью счастливой, поэтому жизнь и дает такие крены.

Спать перехотелось. «Ладно, днем высплюсь». В конце концов меня начало смаривать. Немудрено, за окном рассветало. Розовое солнце спешило на ежедневную работу. Туман нехотя отступал под набиравшими силу лучами; расплывался, прятался по ложбинам, опускался росой на траву, цеплялся мокрыми хлопьями за стволы деревьев. Вот так и мы цепляемся за привычное, но приходит новый день, и все меняется, и мы не в силах просто удержать то привычное, но и меняться нам страшно, от этого и происходит душевный конфликт. Это последнее, о чем мне подумалось, прежде чем я утонула в объятиях Морфея.

Честно говоря, замуж я вышла спонтанно. Беременность стала последствием нашего решения соединиться. Вспомнив, как мы воспользовались этой ситуацией, внутренне рассмеялась. Господи! Какие мы были бестолковые! Знать бы, чем все закончится, не повторила бы этой ошибки. Нет, я по-прежнему люблю мужа, но романтика испарилась.

Не случайно все сказки заканчиваются свадьбой. До нее и вправду жизнь казалась сказкой. Казалось, впереди маячит большое светлое будущее. Ты наивен и смешон в своем порыве изменить мир, но, к счастью, этого не осознаешь. Первое самостоятельное решение было создать семью. Решение правильное и нужное, но отчего-то не радующее родных твоего мужа. И куда только глаза Пашечки смотрели? Такому мальчику такую... Не такая я, как надо, и все тут! А какая нужна, объяснить не могут!

Отбивалась от родных мужа как могла, но силы оказались неравными. В результате нервного перенапряжения случились преждевременные роды. Если бы не ребенок, сбежала бы точно. Но судьба послала новое испытание, и я бросила все силы на его преодоление. Родилась крошечная девочка, похожая на лягушонка.

Больница, больница и еще раз больница. Мне казалось, это навечно. Бессонные ночи с кормлением каждые два часа, обкладыванием ребенка теплыми грелками. О наше могучее государство! Спасибо за нежную заботу о детях. Я слышала, где-то в Москве существуют специальные инкубаторы для выхаживания таких деток. У нас же хорошо, если есть грелки. Спустя два месяца я поняла, что, если не уйду из больницы, сойду с ума от перенапряжения и недосыпания. Поэтому, оставив расписку, ушла. Началась наша совместная жизнь. Три года мы с Пашей старательно строили, а родители мужа столь же старательно рушили семейную крепость. В конце концов приняли решение уехать и жить отдельно. Так в 1984 году в нашей жизни появилась Рига.

Автопортрет

Сперва муж уехал один, клятвенно заверив, что, как только отыщет подходящее жилье, заберет нас к себе. Прошел месяц, второй, третий, а мы оставались на месте. И тогда я предъявила ему ультиматум. На исходе четвертого месяца ожиданий он приехал за нами.

- Как там Рига? — Я сгорала от нетерпения.
- Приедешь — увидишь. — Он был немногословен.
- А где жить будем? Тебе квартиру дали?
- Конечно, иначе я бы за вами не приехал. Я уже диван купил. Комната маленькая, но близко к части. Место хорошее — рядом речка.

Подумаешь, одна комната. Да я в чулане согласна жить, лишь бы уехать из этого ада. Если бы я знала, чем все обернется, то не решилась бы последовать к новому месту жительства. Провинциальная наивность!

Встреча с Ригой

В конце ноября 1984 года состоялась дорога в далекую Латвию, началась новая, неизвестная мне жизнь. Люблю поезда. Большого наслаждения, чем созерцать в окно вагона меняющиеся пейзажи, придумать невозможно. Чай в подстаканниках, счастливое ожидание новой жизни в большом городе.

Квартирка и в самом деле была крошечной, в старом сером доме, но какое это имело значение? Оставив меня, муж отправился на службу. Вечером он не появился. С трудом справляясь со страхом, прождала его всю ночь. Я не знала, куда идти, где находится его часть и вообще что мне делать. Хорошо, что дочь пока у родителей. С ней бы было сложнее. Задремав под утро, проснулась от резкой трели звонка.

«Слава богу, пришел!»

С радостной улыбкой открыла дверь.

В дверном проеме стоял мужчина огромного роста.

— Здравствуйте, — испуганно пролепетала я, пятясь в комнату и предчувствуя недоброе.

Сопя как паровоз, он с трудом протиснулся в узкий дверной проем. Его тяжелый взгляд на секунду остановился на мне.

— Вы почему забрались в чужой квартира? — наконец произнес он первые слова. — У вас есть документ?

Говорил он с акцентом, то ли специально, то ли вправду.

— Какой документ? — пробормотала я, с ужасом понимая, что муж мне чего-то не сказал.

— Ну хотя бы ордер. Полагаю, он у вас есть?

Вопрос поставил меня в тупик. Я знала, что такой документ существует, но в глаза его не видела.

— Вы знаете, я только вчера приехала и еще ничего здесь не знаю. Муж ничего мне не сказал.

— Где есть наш муж?

— Он на лодке. Правда, не знаю, на какой и где. Я же вам объясняю, что только вчера приехала, он сразу ушел и ничего не объяснил.

— Он ничего вам и не объяснит. Вы незаконно заняли квартиру и немедленно должны ее освободить, иначе мне придется вызвать милицию.

Теперь он говорил без акцента, но от этого в его голосе прибавилось еще больше металлических ноток.

— А куда мне идти? — спросила я его, холодея от ужаса.

— Меня это не интересует. Забирайте вещи и уходите.

— Пожалуйста, можно мне хотя бы его дождаться, и мы сразу уйдем.

Я умоляюще сложила руки, из глаз брызнули слезы. Еще немного, и я бы упала в обморок. Видимо, поняв, что я сейчас грохнусь, он сменил гнев на милость.

— Хорошо, завтра вас тут не должно быть.

Едва за ним захлопнулась дверь, как со мной случилась истерика. Плакала я долго. Так с опухшим лицом и встретила благоверного. В этот вечер мы впервые сильно поругались.

— Как ты мог так обмануть меня! — кричала я.

— А что мне оставалось делать? Ты же срочно хотела приехать.

— Ты хочешь сказать, что из-за меня пошел на этот шаг? Мог хотя бы предупредить. Я чуть от стыда и страха не умерла.

— Если бы я тебе рассказал, ты бы не вошла в квартиру.

Тут он был прав.

— Ладно, сиди. Пойду к командиру. Может, что придумаем. Ты полагаю, тут квартиры налево-направо раздадут? Военные по многу лет жилплощади не имеют, ютятся, где придется. А эту друг мне подсказал. Я ж не предполагал, что нас так быстро обнаружат. Думал, пока поживем, а там общагу дадут.

Так нас приняла Рига, вернее, так мы в нее вторглись. Одно слово, оккупанты.

В этой квартире мы все равно прожили полтора месяца. Сколько литров водки влили ребята в нутро необъятного латыша, не знаю, но передышку мы себе выиграли. Потом была еще одна такая же квартира, напротив этой, с тем же результатом. Потом третья, но она была в собственности части. Поэтому выгнать нас, да еще с ребенком, никто не посмел, хотя звона было много. Оказывается, есть и такой способ получения квартиры. Много чего узнала я для себя нового в результате скитаний с чемоданом.

Будни семьи офицера

Павел приходил домой редко. Ему была поставлена задача изучить электрическую часть лодки в течение года, чтобы иметь возможность поехать в командировку в одну из арабских стран. Я забрала от родителей дочь, устроилась на работу в матросском клубе. Это был выход из положения, так как мне приходилось ходить на работу с ребенком.

Не забуду, как муж пришел «домой», измученный, желтый.

— Приветик, как вы тут без меня?

Он чмокнул нас по очереди в щеки. От него разило соляжкой.

— Ты что ее, стаканами пьешь? Смотри, совсем желтый стал.

— Пап, посмотри, какой я нарисовала рисунок! — Дочь тащила свою папку с рисунками, пока я помогала ему раздеваться. — Ой! Пап, у тебя из кармана таракан вылез, да какой большой, рыжий.

— Опять «стасика» притащил. Чего-нибудь лучше не было? — спросила я его, вытряхивая таракана из кармана. — И чем они только у вас на лодке питаются?

— Ладно вам, накинулись. Скорее кормите, лодочная пища надоела до чертиков. Ян, ты хочешь в цирк сходить?

— Хочу, хочу в цирк, — закружилась по кухне дочь. — А ты правда, не обманываешь?

— Ну если тревогу не сыграют, то не обману.

— А зачем вам тревога? Кто эта тревога? Ты ей скажи, что я в цирк хочу, ладно?! — Дочь танцевала возле его коленок, цепляясь за рукава рубашки.

— Ян, отстань ты от него, пусть поест, потом прилипнешь. Садись рядом и жди.

— Вы давайте, собирайтесь потихоньку, наглаживайтесь, штукатурьтесь. Выедем пораньше, по парку погуляем, уточек покормим. Да, Ян?

— А хлеба возьмем?

— Ну конечно, чем же их кормить?

Пока мы наглаживались и припудривались, он поел и даже успел вздремнуть. Всегда удивлялась, как он быстро ест, просто со скоростью звука. Воинская привычка.

В тот вечер мы, как белые люди, гуляли семьей. Это был один из тех редких вечеров, когда между нами царило согласие. Я уже немного привыкла к новым условиям, у нас появились друзья и знакомые.

— Слушай, ты на свадьбу к дочке придешь? — шутила я. — Или нам без тебя гулять придется? Да, к слову, на следующей неделе у Кравчуков маленький юбилей семейной жизни.

Павлик сделал рожицу и уставился на меня честными глазами.

— Поняла! Вопросов нет. Догоняй, если успеешь.

— Жenuшка, ты все знаешь, чего спрашиваешь. Если я не успею освоить технику, горит моя командировка. Это единственный шанс поправить наше финансовое положение. К тому же я очень хочу лодкой пойти в Сирию. Может, этот поход будет единственным в моей жизни, не считая выходов в Балтику. Но что такое Балтика по сравнению со Средиземкой?

Я все понимала, но никак не могла привыкнуть к его постоянному отсутствию.

— Ну не грусти. — Он обнял меня за плечи. — Я вас сильно люблю, скучаю, но это моя работа.

Обратно мы ехали молчаливыми. Даже Янка притихла, убегалась, сердечная.

Майское солнце разливалось ослепительным светом, несмотря на поздний час. Мне нравилось, что солнце здесь садилось поздно. Около двенадцати часов оно скрывалось за горизонт, но в три ночи уже вставало. Тихие светлые майские ночи рождали тоску по любви, счастью и наслаждению. Но, увы, где ее взять-то, эту любовь? При живом муже чувствуешь себя совсем одинокой.

— Ты чего? Ну перестань, ты ж знаешь, я ради вас стараюсь. Вот съезжу в командировку, потом все у нас будет. Ну, улыбнись же!

Я вымученно улыбнулась — чего его расстраивать, пусть работает спокойно.

— Мы завтра с Надькой и Леночкой пойдем к заливу посмотреть, как солнце в море садится. Может, и Инка с сыном пойдет.

— Правильно, молодцы, гуляйте. Дышите свежим морским воздухом.

От остановки Яну он нес на руках.

— Вот пельмень раскормила. Ты смотри, а то так растолстеет, не прокормишь. Правда, чего она такая тяжелая?

— Растет она, понимаешь. Я ж тебе говорю, пока ты лодку освоишь, мы замуж выскочим. Сечешь?

— Ну вот, опять начинается...

Рижский залив... короткие маслянистые волны зеленовато-коричневых оттенков. Длинная гряда песчаных дюн с невысокими кустиками травы, похожей на осоку, и фиолетовыми теньями. Низкие облака и корявые сосны вдоль дюн. Песок на берегу плотный, почти белого цвета. Запах тины и влаги сменяется запахом сосновой смолы и теплого песка. Мы тихо бредем по берегу с моей новой подругой Надей Минчик. Наши дети, моя Янка и ее Ленка, шлепают босыми ногами по мокрой полоске песка вдоль воды. Они визжат от восторга, когда на их босые ступни набегают волны, отскакивают в сторону, бегут следом за волной и обратно от нее. Мы с улыбкой смотрим на них и дышим, дышим этим живительным настоем.

— Здорово как! Правда, Надь?

— Еще как, — поддерживает меня подруга. — Надо чаще выходить к морю, это очень полезно. Да и малым нравится. Вон как вопят от восторга.

— Пусть носятся, спать лучше будут.

— Ага, их уложишь. Моя до последнего сражается. Будто ее на дыбу отправляю. Без жопобития не обходится.

— А Инка чего не пошла, тем более это ее идея была?

— Точно не знаю, она не в настроении была. Сказала, сопли у Димки. Но мне думается, что со своим поцапалась. Они последнее время часто ругаются. Выпивать стал. Твой как? Я его хоть и редко вижу, но пьяным не замечала.

— Мы, Надь, его редко видим и пьяного, и трезвого. Дал бог работенку. А в общем, он не пьет почти, если только на гулянке.

— Повезло тебе, цени...

— Стараюсь, — рассмеялась я. — Еще бы дома почаще бывал, было бы совсем хорошо. Так иногда хочется в мужских объятиях уснуть.

— Ну, милая, всего сразу не бывает...

Мы еще немного потрепались ни о чем. Солнце клонилось к закату, потянуло прохладой, пора бежать домой. Наши девочки основательно вымокли, и, чтобы они не заболели, мы решили ускориться. Бежать по песку — небольшое удовольствие. Моя Янка буксовала и хныкала, когда я тащила ее за собой, зато Ленка, легкая и быстрая, без труда месила песок своими худыми загорелыми ногами.

— Видишь, как Лена бежит, а ты только ноешь. Ну потрудишься немножко, ну же!

— Зачем мне бежать? — резонно вопрошала дочь. — Не хочу.

— Эх ты, лентяйка. Не хочешь — не надо.

Мы сильно отстали от Нади и Лены. Дочь устала. Я сама, надышавшись свежим морским воздухом, чувствовала приятную умиротворенность. Хотя мы жили совсем рядом с заливом, почему-то в городке так море не чувствовалось, как возле залива.

— Мам, а мы еще пойдем на море гулять? Нам с Леной так весело было, — спросила меня Яна, когда я укладывала ее спать.

— Конечно, пойдём, если только ныть не будешь.

— Не буду, — пообещала дочь. Заснула она почти мгновенно.

Уложив её, накинула на себя куртку и вышла на лоджию. Мне нравились такие вечера, когда все вокруг успокаивалось и можно сидеть на лоджии, любоваться закатным небом. Из открытых окон доносились голоса и смех, звон посуды и журчание воды из кранов, плач укладываемых детей. За стеной сопит дочь, скрипит прокуренным голосом баба Тася со второго этажа. Ты сидишь одна, но ты не одинока. На душе светло и спокойно. Вот сейчас выйдет на лоджию соседка, улыбнется и спросит:

— Не спится?

Как будто ничего особенного, но ты улыбнешься в ответ и просто ответишь что-то вроде: «Да разве уснешь в такой вечер?» Или, может, скажешь: «Не спится что-то». Есть в этом немудреном диалоге какая-то общая маленькая тайна взрослых: мол, понимаю, сам такой; ну сиди, что с тобой поделаешь.

В нашей пятиэтажке именно так и было. Мы знали друг друга, у нас был один ритм жизни и одна работа — ждать мужей со службы и заботиться о детях и быте.

Праздники и заботы

На юбилей к Кравчукам я пошла, как обычно, с дочерью, но без мужа. Людмила и Вовка с двумя дочками жили в целой двухкомнатной хрущевке! Ребята они хорошие, мы всегда к ним ходили с удовольствием. В самой маленьком комнатке мы укладывали спать наше потомство, а сами гуляли, сколько душенька примет. Обычно до утра.

Под утро, вымотанные от коллективного отдыха, раскладывали старый диван и укладывались на него. Кому не повезло, устраивались на полу. Хозяйка дома Людмила любила потчевать гостей разносолами своего производства, после которых очень хотелось пить. Походы на кухню за компотом осложняли попытки уснуть. Хотя был ли смысл укладываться, когда вскоре просыпались дети и становилось не до сна. Все равно лучших вечеров я не помню.

Жена военного — особая женская доля. Ждать, ждать, ждать... прислушиваясь к шагам в коридоре и на лестничной площадке. Не мой ли это милый спешит хотя бы на минутку домой? Или смотреть в окно, как, застегиваясь на ходу, он удаляется от дома, не зная, где сегодня будет. Может, они сейчас выйдут в море, не простившись с родными, и когда вернутся — неизвестно. Уметь ждать — это целая наука. И не каждой дано её постичь.

Все было бы сносно, если бы не Янкины болячки. Перемена климата отразилась на её здоровье, маленькая попка от постоянных уколов покрылась синяками. Вот и сегодня мы с ней сидели у кабинета участкового педиатра. Янка шумно дышала, хватая ртом воздух, на лбу выступила испарина.

— Горе ты мое, — чуть не плача, причитала я. — Что мне с тобой делать?

Я прижала ее к себе, поглаживая по спине. Рядом с нами сидела худенькая женщина. Она долго сочувственно смотрела на мои попытки облегчить состояние дочери и наконец заговорила:

— И часто такое у вас?

— Да без конца. Как переехали сюда, покоя не знаем. Бронхопневмония с астматическим компонентом.

— Можно я вам совет дам? — после некоторого раздумья спросила она.

Я промолчала. Какой совет, когда даже врачи не в силах ничего сделать.

— Вы только сразу бурно не реагируйте. Мой совет покажется вам необычным, но мой сын был такой же. Теперь от болезни не осталось и следа.

Я до той поры считала себя специалистом по лечению дочкиной болезни и любила давать советы другим. Но иногда стоит послушать тех, кто сам смог помочь себе или своему ребенку.

«Чем меня хочет удивить эта особа?» — подумалось мне.

То, что она мне посоветовала, повергло меня в шок, но я виду не подала. Человек же от чистого сердца хочет помочь...

— У вас в части, — продолжала она, — открылся бассейн, там и детский есть. Отдайте дочь туда. Вот увидите, все скоро пройдет, и она на всю жизнь избавится от этого кошмара.

Увидев мое замешательство, она положила свою ладонь на мою руку и, постукивая ее, произнесла:

— Не удивляйтесь, лучшего средства от астмы нет. Только не прекращайте водить. Даже если появятся сопельки, держитесь, иначе будет бесполезно.

На этих словах нас вызвали к доктору. Когда мы вышли из кабинета, женщины уже не было. При виде списка лекарств, выписанных доктором, мне стало худо. Я шла домой и раздумывала о совете незнакомки. В конце концов, что я теряю, вдруг поможет?

За советом я отправилась к Тоне, жене сослуживца мужа. Тоня работала в детском садике. Удивительно, как иногда человек соответствует своей профессии. Обладая мягким характером, Тоня излучала тепло и уют. Тонкая нежная кожа в рыжих веснушках делала ее лицо милым и задорным. Удивляюсь, как она справлялась с двумя сорванцами и внушительного вида мужем — горластым хохлом.

— С ума сошла! — всплеснула руками Тоня. — Больного ребенка в бассейн? Какая-то чудачка сказки сочиняет, а ты веришь. А вдруг ребенок воспалением легких заболеет? Андрея моего можно отвести, хотя он тоже часто сопатится... — Она призадумалась и, глядя на мое унылое лицо, добавила: — Впрочем, смотри сама, как тут угадаешь?

Мы договорились, что отведем своих деток на плавание вместе и, как только увидим, что они простывают, прекратим это мероприятие. Я все же решила последовать совету незнакомки и перетерпела, о чем нисколько не жалею.

Вам никогда не приходило в голову, что многие болезни не нуждаются в медикаментозном лечении? Сколько порой денег тратится на лекарства — просто жуть! Особенно это касается простуд. А ведь чего проще — ходи в бассейн, и результат будет, как говорится, налицо. Взрослые — странные

люди, если не сказать хуже. Понапридумывали себе глупых правил и ревностно их исполняют. Когда проще просто помочь своему организму самому справиться с болезнью. Хотя иногда без лекарств не обойтись.

Помню, как в детстве нас лечили с помощью теплой печки и обильного питья. Наши милые бабушки с молитвой поили нас собственноручно сделанными отварами и настоями. Несмотря на то, что болели мы часто, дело никогда не доходило до больницы. Простывали мы больше в переходный сезон, летом же не вылезали из речки. Сами контролировали свое пребывание в воде, старшие смотрели за нами спустя рукава.

Единственное родительское наставление-страшилка, которое я помню, это абсурдное «Утонешь, домой не приходи!». Оно неслось нам вслед, когда мы шумной ватагой летели по направлению к речке. До сих пор, когда вспоминаю, губы растягиваются в улыбке.

Видимо, это тоже повлияло на мое непростое решение водить дочь в бассейн. Я горжусь этим экспериментом и всем при случае рассказываю. Может, кому сгодится. Сейчас дочь отлично плавает и еще ни разу не болела даже банальной простудой. Спасибо тебе, незнакомая женщина, дай бог тебе и твоим детям здоровья!

Второй год в Риге

Наступила вторая осень нашего пребывания в столице латышей Риге. Я очень скучала по своей далекой провинции — по холмам и ромашковым лугам, цветению вербы и залиvistым соловьям, по яблоневым садам и запаху земляники, по милой родной бабулечке. Особенно остро проявлялась тоска по весне, когда пахло терпкими тополями. Здесь все было вроде как дома и все не так. Внешне чертовски красиво, чисто и цивильно, а там — родина. Я втягивала в себя влажный, пахнувший тиной воздух Рижского залива, а чудился запах теплой дорожной пыли и свежескошенной травы.

За год, который мы прожили в Усть-Двинске (или Даугавгриве — микрорайоне Риги), как ни уговаривал муж, я так и не решилась спуститься «в недра» подводной лодки. По его рассказам и фотографиям я знала, что она собой представляет, но не хотела потом жить в страхе от увиденного. И тут подлодка, на которой служил мой благоверный, стала готовиться к отплытию в Сирию.

На работе служившие со мной списанные на берег морские офицеры (я их называла «мои полковники») подшучивали:

— Ну всё! Уйдет твой мужик, найдет там себе арабку, пиши пропало.

— Не бойся, — утешали другие, — мы тебе тут жениха подберем. Девка ты видная, да еще с квартирой... Долго не засидишься. Вон Иванов глаз на тебя положил, как твой отбудет, сразу соблазнять начнет.

— Как, Серега, правду я говорю?

— No problem! Можно долго и не ждать. — Иванов погасил сигарету. — Вот только со своей разберусь.

— Не горюй, — включился в разговор старший по званию немногословный капитан второго ранга (соответствует армейскому званию подполковника) Придыбайло. — В беде не оставим.

— Спасибо, мальчики, вы настоящие друзья. Одним словом — военные.

В самом деле, ребята очень хорошие, я их просто обожала. Для кого-то полковники и подполковники, а для меня просто мальчики, у которых за плечами не один поход в море. Прежде чем осесть в тылу, они столько вынесли на своих плечах, что представить невозможно. От них никогда не услышишь брюзжания или недовольства своей профессией. Только когда выпьют, кой о чем можно догадаться из их немногословной беседы. От себя скажу, что надежней военных, чем морфлотовцы, нет. К тому же красавцы. Одна военно-морская форма чего стоит!

Часть, где я работала, являлась учебным центром для иностранных военных. Кого только здесь не было: сирийцы, ливийцы, кубинцы, румыны, алжирцы, индусы. Их обучали лучшие советские морские офицеры в чине не ниже капитана третьего ранга (соответствует майору). Мужу чудом удалось попасть в эту среду. Может, просто потому, что не хватало мичманов...

День, когда лодка должна была покинуть базу, выдался тихим и солнечным. Жены и дети уходящих моряков и штабные офицеры собрались на пирсе. Мы не видели мужей уже несколько дней и боялись, что нам не дадут с ними попрощаться. Неизвестность накалила ситуацию до предела. Супруги моряков сбились в кучку и безмолвно прижимали к себе детей.

Наконец появился оркестр и выстроился вдоль пирса. К нам подошел какой-то офицер и предупредил, что прощание будет недолгим. Поэтому рекомендовал лишнего не говорить и не плакать, чтобы не расстраивать мужей перед дальним походом.

Я точно не помню, как мы с Яной прощались со своим любимым мужчиной. Может, не представляли себе серьезность происходящего? Как такового прощания и не было: супруг подошел, поцеловал, коротко прижал к себе дочь и, развернувшись, стремительно ушел. Может, прав был тот офицер — не было смысла приходить, чтоб не расстраивать.

Начались долгие дни без папы. Мы его и прежде почти не видели, а теперь совсем. Но если все пойдет хорошо, мы разбогатеем и сможем отовариваться дефицитными товарами в магазине «Березка» (советским специалистам и офицерам, командированным за рубеж, платили зарплату чеками Внешторгбанка и Внешпосылторга). Нам уже сейчас завидуют. За привилегию пойти «в загранку» боролись многие, а повезло нам. Я, наверное, глупая баба, но мне непонятно, почему, чтобы муж мог работать за рубежом, ему нужно оставить молодую красивую жену с ребенком дома. Почему бы не отправить следом семью? Чтобы в пункте назначения его уже ждали семья, вкусная еда и мягкая постель. Были обещания, что мы вскоре поедем к мужьям, но обещанного три года ждут...

По моему ходатайству руководство определило дочь в детский сад. Каждое утро туда ездить было еще то испытание. Сад находился «за тридевять земель», куда автобус ходил раз в полчаса. Пока он возвратится, нужно было успеть сдать дочь и добежать назад до остановки. Если не успевала, ожидание автобуса растягивалось еще на полчаса. Летом еще полбеда, но осенью и зимой... В среднем на дорогу туда и обратно уходило три часа. Единственное достоинство этих поездок — невероятно красивая дорога.

Местечко, вдоль которого проходила дорога, называлось Були. Здесь находилась дача писателя Валентина Пикуля, где родился ряд его замечательных произведений.

Безмолвный красавец-лес. На раскидистых лапах сосен уютно устроился чистый, отливающий серебром снег. Сумерки придавали этому великолепию загадочный вид. Длинный пассажирский «Икарус» медленно тащился по казавшейся в таком окружении чужеродным элементом дороге, разбрасывая грязные комья снега. Мне чудилось, что мы одни, затерянные во вселенной. Дочь спала, угнездившись на коленях, а я разглядывала пейзаж.

Однажды, устав от переживаний и ожидания весточки от мужей, мы с детьми выбрались на лыжную прогулку. Этот чудный сказочный зимний лес мы с дочерью до сих пор вспоминаем. День выдался отменный. Снег падал огромными хлопьями, оседая на ветвях и так засыпанных по самые макушки деревьев. Стояла такая тишина, что было слышно, как шуршит падающий с небес снег.

С непривычки лыжи расплзались в стороны. Мы то и дело падали. Писк на весь лес! Местность не была идеально ровной. Круглые песчаные холмики, покрытые толстым слоем снега, облюбовали дети, бросаясь с них вниз в кучу малу. Вскоре вся компания напоминала снеговиков. Изголодавшись, отыскивали пенек, смели с него снег и приступили к трапезе. Вот где было вкусно! С устатку мы бы слопали и слона, но и куриные окорочка пошли за милую душу. После того как Инка с Димкой, Надька с Ленкой и я с Янкой поделились новостями и обменялись впечатлениями, было принято единогласное решение — впредь не сидеть взаперти по домам, а собираться здесь и отдыхать в свое удовольствие.

Приходили мы сюда и в другое время года. Бродили по мягкому пружинящему мху, собирали какие-то грибы. Потом я их выбрасывала, опасаясь готовить. Дома, в России, я знала, как выглядят съедобные грибы, а тут, как и от самих латышей, ожидала подвоха. Потому удовольствие было не то.

Но это было потом, а сразу после разлуки с мужем серая дождливая осень навевала острое чувство одиночества. Мы с дочерью вскоре устали мокнуть на остановках и прекратили поездки в садик. Мои «мальчики» жалели меня, одинокую и горемычную, и разрешали приводить дочь на работу. От руководства мы находились достаточно далеко, но однажды оно нагрнуло неожиданно.

Дочь сладко спала на диванчике, «мальчиков» на месте не было, присутствовал только недавно прибывший молоденький лейтенант — руководитель матросского клуба. О предстоящем визите начальства его не предупредили. Увидев, как полковники и целый генерал заходят в отдел, он лишился дара речи. Смотрел на меня так, что я думала — испепелит. Бекая и мекая, он пытался объяснить, что ребенок тут, потому что заболел и теперь спит... Я отчаянно набрала в грудь побольше воздуха, чтобы броситься на защиту. Но случилось неожиданное: начальники как по команде на цыпочках прошли мимо спящей дочки в другой кабинет. Мы с лейтенантом открыли рты от удивления. Мне стоять столбом было позволительно, а лейтенанту не по чину, поэтому он понесся вдогон. Обрато «высокая комиссия» проследовала таким же макаром. Вот такие они, настоящие мужики — моряки... понимали

трудности жен младшего командного состава. После этого случая я уже ничего не боялась.

К новому, 1986 году от тоски по мужу стало совсем худо. Никогда не думала, что буду так тяжело переносить одиночество и отсутствие известий от Павла. Как будто нарочно знакомые, каждый, спрашивают: «Какие вести от любимого?» За окном темно и сыро, промозглый ветер треплет рваные тучи, которые хаотично роняют мелкие капли дождя. Приходишь на работу — темно, уходишь — темно.

Начался очередной рабочий день. На столе у «мальчиков» шумит электрический чайник. Вкусно пахнет кофе. Мы усаживаемся каждый за свой стол. Яне место уступает мой начальник Сергей Иванов. Добрее мужчины трудно найти. Зачем, скажите на милость, он с ней возится? У него тоже есть дочь по имени Ирина. Может, он отождествляет мою со своей?

— Кто будет кофе? — кричит Сергей. — Можете успеть! Ты будешь? — обращается он ко мне.

Я отрицательно мотаю головой. Я не люблю пить растворимый кофе на тощак. Тем более моя банка вся вышла.

— Мой закончился. Ты сможешь достать?

Сергей живет в центре Риги, где часто «выбрасывают» дефицитный товар. Иногда он нас балует — привозит баночку-другую.

— Попробую. Продавщица сказала, сегодня-завтра должен прийти товар, обещала оставить.

— Бедный ты наш, — сочувственно бросаю я. — Когда-то придется с ней расплачиваться. Не боишься?

— Сам думаю, чего она меня всегда выручает...

— Сергей Иваныч! — крик из соседнего кабинета. — Ваш телефон надывается...

Не договорив, Сергей бросается к себе. Там за его столом уютно расположилась Янка, рисуя свои каляки-маляки. Раздается хохот. С удивлением заглядываем в его кабинет. Сергей гладит по голове мою дочь и, лучше не скажешь, ржет.

— Ты чего? — удивленно спрашиваю я. — Янка что-то сотворила?

— Ян, расскажи им, кто тебе звонил.

Дочь передергивает плечом:

— Да Иванов какой-то. Все звонит и звонит...

— Какой Иванов?

— Не знаю.

Ситуацию проясняет Сергей:

— Представляете, я трубку взял, ответил. Только положил, позвонили опять. Я же, когда трубку беру, говорю: «Иванов слушает». Она поняла, что это один и тот же Иванов звонит, и говорит мне: «Надоел этот Иванов, звонит и звонит...»

— Ладно, ты с Ивановым поговори, а я кофе допью.

Накануне у меня от стресса прорезался дар предвидения. Перед тем как мне приснился вещий сон, чтобы отвлечь от грустных мыслей, ребята меня усердно доводили — подкалывали, пугали, предлагали руку и сердце. Я отшучивалась, как было принято у нас говорить, «отстреливалась». В

этот момент к нам зашел капитан третьего ранга Гостев, начальник отдела кадров.

— Ржете, а мужиков там болтает небось, как щепку. Один Бискайский залив чего стоит.

Он ушел, и тут я вспомнила, как однажды муж пришел к нам на квартиру с коллегой-мичманом. Пока я их кормила, они обсуждали предстоящий поход. В частности, упоминали Бискайский залив, опасаясь, что не успеют его проскочить до осенних штормов.

Дома я раскрыла карту. Этот гиблый залив располагался у побережья Франции. А ночью мне приснился сон. Я воочию видела их лодку, которая достигла залива на девятый день похода. Слегка штормило, но в основном все было нормально. По Средиземному морю лодка шла в надводном положении, и над ней кружились то ли птицы, то ли самолеты. Потом она стала погружаться и исчезла. В страхе я проснулась, но решила никому про сон не рассказывать, засмеют. Вот встречу с мужем и спрошу, как все было.

Через пару дней, отчаявшись ждать вестей, мы решили всем скопом идти к командиру части. Как хороший начальник, он проведал о наших намерениях и пригласил нас на сеанс радиосвязи. Сквозь треск и шум радиостанции прорвался голос нашего роднульки-папульки: «Все хорошо, родные мои, жду вас к себе, торопите начальство. О вашей отправке сообщите. Придем на место, напишу письмо и передам с ребятами, которые вернутся обратно. Все».

Я ничего не успела сообразить и ответить, остальные так же.

— Это и все? Девчата, я ничего не поняла, — развела руками Сабина, самая молодая из нас. — Толком и поговорить не успели.

Мы подавленно молчали. Самая старшая из нас, Светлана, муж которой ходил в походы не раз, объяснила:

— Девочки, связь очень дорогая. Спасибо, хоть нам послушать их дали. Вы не волнуйтесь, те, кто вернется назад, привезут весточки. Обратно они самолетом лететь будут, так что ждать осталось недолго.

Постояв немного и горестно повздыхав, мы разошлись.

Новый, 1986 год

Вернувшиеся моряки свежих новостей не привезли, зато мой сон и вправду оказался пророческим. Бискайский залив они прошли точно на девятый день. Только вокруг их лодки кружили не птицы, а американские боевые вертолеты.

Новый год мы встретили и проводили в той же неизвестности. Праздники прошли в бесконечных детских утренниках. Женам обещали в феврале отправить их в Сирию. На старый Новый год решили с девчатами посидеть в кафе. Сначала меня пригласили Ковальчуки, но у них разболелись дети, и прием пришлось отложить. Тогда мы собрали девичник. Детей отправили к Тоне. Присматривать за ними согласился старший сын в обмен на обещание матери отпустить его в какую-то компанию.

Принарядившись, без детей, как барыни, мы отправились в кафе в центре Риги. Днем оно было полупустым, что было нам на руку. Латыши старый Новый год не празднуют, так что можно посидеть спокойно своей компанией. Выпив шампанского, мы заметно оживились, и нас прорвало. Хотя говорили разом, друг друга слышали и понимали.

— Я больше не могу, — выводила тягуче Сабинка. — Скоро поймаю какого-нибудь мужичка и...

— Зачем ловить? Вон их сколько вокруг вертится, только позови, — съехидничала я.

— Не, я так не могу, это уже измена, — уточнила Сабина.

— А ты про что только что сказала?

— Это другое. Это... ну, как чувство самосохранения.

Света улыбалась и утешала:

— Ничего, привыкнете. Я же привыкла.

— К черту, не хочу привыкать, — протестовала захмелевшая Сабинка.

— Ой! — встряла Тоня. — Я со своими так накручусь, все напрочь забываю.

— Да... везет тебе, — обреченно изрекла Сабина. — Ладно, девчат, это я так... с дури... Не обращайтесь внимания... — И она зашмыгала носом.

— Что тебе ответить, Сабиночка. Твоя правда... Будем надеяться, скоро нас отправят к нашим дорогим и любимым. Им-то уж точно тяжелее...

Девчата притихли. Нашу грустную атмосферу разрушила компания подвыпивших мужчин. Они уже где-то приложились и, видимо, решили добавить. В кафе началось оживление — зазвучала веселая музыка, посетителей прибавилось.

— Ой, девочки! Скоро домой бежать, — забеспокоилась Тоня. — Я, конечно, сыну доверяю, но все же.

— Давайте еще чуть-чуть посидим. Ну пожалуйста! — Сабина умоляюще сложила ладони. — Потанцевать очень хочется, когда теперь сможем выбраться?

Новоприбывшие мужички обратили внимание на нас. Пошептались между собой, и один из них отделился от компании и направился к нашему столу:

— Добрый вечер, девочки. С праздником вас!

Он пошарил глазами по нашим лицам. Сначала остановил взгляд на мне. Видимо, импульсы, посылаемые Сабинкой, были сильнее моего равнодушия, и он пригласил на танец ее. Подруга с радостью ребенка приняла приглашение. Мы тихо прыснули в кулак, чтобы они не заметили и не обиделись.

— Вот ведь мужик, сразу учуял... — хихикнула Тоня.

Потом пригласили меня, но уже другой парень от другой компании. Сабина как-то крепко зацепила мужичка. Они протанцевали еще несколько танцев подряд, и стало заметно, что между ними протянулась незримая ниточка.

— Надо девку уводить, — забеспокоилась Тоня, — как бы чего не вышло.

— Не квохчи ты, — оборвала ее Света, — не маленькая, знает, что делает. А мне уже пора...

Домой мы возвратились позже, чем обещали Тонину отпрыску. Когда мы ввалились к ним в квартиру, он явно нервничал. Младшие сидели перед телевизором странно спокойные и отрешенные. Увидев нас, с криками кинулись навстречу. Видно, несладко им пришлось... Тоня осуждающе посмотрела на перевозбужденного от ожидания Олега.

— Ладно тебе, — дернула я ее за рукав, — целы, и слава богу.

— Вот я ему всыплю. Как отец уехал, совсем от рук отбился, надо на место ставить.

Что я могла возразить? Я бы на ее месте сразу его отчитала, хотя это и непедагогично.

Два подарка от мужа

Минул февраль, март, апрель... Мы по-прежнему сидели на месте. Из Сирии от супругов стали приходиться тревожные письма: почему не едем? Откуда нам знать почему.

К моему дню рождения муж передал подарок. Посылку привез какой-то сириец. О ней я узнала давно, но никак не могла с ним встретиться, чтобы забрать. Хотя за это мне могло сильно влететь, этому арабу хотелось вручить мне посылку самому. В советское время не приветствовалось общение с иностранцами, особенно если муж военный. Можно подумать, что я могла представлять для них какой-то интерес, кроме мужского...

Кстати, о мужском. Как оказалось, сириец хитрил. Я сразу не врубилась, что это за похожий на кавказца тип звонит мне в дверь. Открыла. Спрашиваю: «Чего надо?» А он уставился на меня, словно слова забыл. Я, конечно, не Софи Лорен, но тоже ничего, мужчины не обходят меня вниманием. Уже хотела его послать, но он на ломаном русском стал лепетать что-то типа «ваша мужа передал подарка». Мне была вручена упаковка трусиков «неделька», которые оказались маловаты. То ли от такой жизни я располнела, то ли он забыл, какая я на самом деле. Ведь уже полгода прошло...

С радости пригласила его в квартиру, стала потчевать кофе, добытым Ивановым, и спрашивать, спрашивать, спрашивать... А он смотрит на меня, мотает головой и на все вопросы отвечает «карашо». Я поняла, что от распросов толку не будет и выпроводила его. Только на этом ничего не закончилось. Он стал приходиться к нам домой как на работу, каждый день. Сначала я ему открывала, потом перестала открывать. Но и после этого результата — ноль. Тогда я решила поговорить с ним серьезно и пригласила на кухню для разборок. Как оказалось, у него был свой мужской интерес. Он вывалил передо мной кучку золотых побрякушек и предложил руку и сердце... на период пребывания в СССР. Мне пришлось долго объяснять этому олуху, что не все женщины продаются!

— Ты моего мужа видел? — спрашивала я его.

— Да.

— Красивый?

— Очень.

— Ну и зачем ты мне?

Он искренне удивлялся:

— Ты одна. Помогать буду.

В итоге он меня так и не понял. Верно, подумал, что золота оказалось недостаточно. Вот что значит разница в менталитете, культуре и обычаях. Вот же прислал муженек подарочек!

После того как я поведала о подарке, «полковники» долго подтрунивали надо мной. Теперь рабочий день начинался с ехидного «Как там наш Махмуд-3?»». Так они окрестили араба, что привез интимный подарок.

— Надо же, как пропуск мужик выдал. Так сказать, разрешение на общение, — язвил Иванов. — Еще бы «средства индивидуальной защиты» передал... чудак.

— Лютуйте, лютуйте, — беспомощно отбивалась я. — Вам не понять, черствые души из душных кабинетов...

Впрочем, даже такое абсурдное событие внесло разнообразие в мои скучные будни. Пусть смеются, я не в обиде...

Здравствуй, Сирия!

Приближалась годовщина разлуки жен офицеров со своими супругами. Регулярно встречаясь и обсуждая ситуацию, договорились сидеть и не рыпаться... Уже почти год мы едва сводили концы с концами. Денег на жизнь не было. Зарплату мужьям выдавали в чеках Внешпосылторга. Жены их даже увидеть не могли. Настроение на нуле, в кармане пусто... Такова жизнь семьи военнослужащего...

Через год после расставания мужья, видимо, «дошли до ручки» и решительно затребовали жен к себе. Нас вызвало начальство и обязало быть готовыми к вылету в Дамаск. Все разом закрутилось и завертелось... Скучать стало некогда! Самый актуальный вопрос — что взять с собой. Мы суетились, бегали с расспросами к женам, которые уже бывали в подобных переделках. Запоминали, записывали их советы и предупреждения, собирали требующиеся для выезда за рубеж бумажки. Ссорились с начальством, пытаясь выяснить точную дату отъезда.

Наконец чемоданы собраны. В особом отделе (в советское время на режимных предприятиях и в частях Министерства обороны они следили за соблюдением режима секретности и занимались контрразведкой) выслушаны инструкции, получены и растрачены подъемные... Путь, который мы проделали из Риги в Москву, а затем в Дамаск, помню нечетко. Сказывалось волнение. Великое событие — впервые вместе с дочкой летели самолетом, да еще за границу...

Окончательно пришла в себя, когда молодой красивый мужчина, вероятно стюард, равнодушно рассказывал авиапассажирам, как в случае аварии пользоваться спасательным жилетом. Дочке понравилась еда. Впервые в жизни она отведала бутерброд с красной икрой.

Внизу простиралась безбрежная синь Средиземного моря. Я отчетливо, словно по карте, увидела остров Кипр и береговую линию Сирии. Тень от проплывающих за бортом облаков четко просматривалась на поверхности цвета красной охры, похожей на марсианский пейзаж.

Я надеялась, что совсем скоро соприкоснусь с историей древнейшей цивилизации, пройду по узким улочкам Дамаска, увижу развалины римских времен, окунусь в прозрачные воды Средиземного моря. Но главное, о чем мечтали мы с дочкой, — прижаться к нашему любимому мужчине и вздохнуть с облегчением. Мы снова вместе!

В реальности впечатлений от древней земли осталось мало. Мы ехали не в туристическую поездку. А статус простого советского гражданина обязывал за рубежом следовать полученным в «уполномоченных органах» инструкциям и не проявлять самостоятельности.

Мы встретились с замусоренным (настоящая свалка) берегом Средиземного моря в небольшом городке Тартус, узкими извилистыми улочками с заваленными разным хламом лавками, отключением света на несколько часов в сутки и... недоеданием.

Сирия уже долгие годы в экономической блокаде и переживала не лучшие времена. И мы мечтали просто досыта наесться, желательно мяса. Парадоксально, что при наличии у страны выхода к морю морепродуктов было почти не достать. Когда рыба появлялась в продаже, она оказывалась намного дороже мяса. Была курица, и то хорошо. Куда нам со своим уставом в чужой монастырь... Главное, мы вместе.

Советскому человеку следовало сказать родине огромное спасибо просто потому, что он получил возможность работать за рубежом. Несмотря на трудности, эта поездка обеспечила нам безбедное существование до тех пор, пока наш дорогой лидер перестройки Михаил Горбачев не отменил чеки. За это ему отдельное спасибо. Одним указом он вновь сделал нас нищими. Но это тема для отдельного повествования.

Назад в будущее

...Поезд Рига — Воронеж шел на всех парах. В сумасшедшем темпе стучали колеса. Вагон болтало из стороны в сторону так, что забеспокоилась кошка Василиса. Она соскочила с нагретого места и заметалась по купе.

— Что ты, Васька?

Я пыталась ее погладить и успокоить, но кошка не давалась. Он издавала гортанные звуки, а глаза лихорадочно блестели. «Как бы не сбесилась, — забеспокоилась я. — Может, хочет в туалет?» Порывшись в сумке, достала купленную на привокзальной площади газету и постелила под спальную полкой.

— Васька, иди сюда. Тут тебе будет туалет.

Она как будто поняла — притихла, понюхала бумагу и вернулась назад. Кошка — животное консервативное и не будет гадить там, где нет условий. Тем более что наша Василиса чистюля и гордячка.

— Ну что ж, тогда терпи, милая. Что поделаешь... И зачем мы тебя взяли с собой? Бегала бы сейчас по полупустым улочкам Усть-Двинска и мяукала от голода.

Тут я представила глаза Яны, если бы не взяли Василису, и покрылась мурашками. Дочь нашла ее на улице, приволокла в дом и теперь не мыслит себя без этой «серой грации». Между ними просто космическая связь.

Наконец Латвию мы миновали. Пейзаж за окном изменился. Пошли затянутые лозняком ложбины, изрытые тракторами проселочные дороги, покосившиеся домики со сваленным во дворе хламом и вечно «пьяные» заборы... Россия! Как Мамай прошел...

Солнце приподнялось над горизонтом. Его лучи высвечивали верхушки лозняка, окрашивая их в розовый цвет. Я вздохнула... Как же красива наша природа своей первозданной красотой! Да и просторы захватывают!

Я представила себе наш поезд с высоты птичьего полета... Узкая длинная лента пассажирского состава петляла, словно заблудившись среди огромных просторов. Издавая протяжные гудки, она тянула нас туда, где в маленьком русском городке нас никто не ждал. Туда, где вновь придется устраиваться и утверждаться, налаживать быт и отношения. Туда, где все родное и все по-другому, чем в чуждой Латвии. В страну, по которой несется перестройка, сметая на своем пути все, что надо и что не надо перестраивать. В место, где нам придется встраиваться в другую профессию и другую жизнь. Остается только надеяться, что у нас все получится...

— Ну, Васька? Что скажешь?

Василиса сощурила желто-зеленые глаза и, кажется, кивнула головой. Наверное, все будет хорошо!

